

DOI 10.15826/qr.2017.4.264

УДК 94(470.54-25)"19"+329(47+57)+316.423.3-053.67

МОЛОДЕЖЬ И РЕВОЛЮЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ПАРТИЙНОЙ МОЛОДЕЖИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1922–1924)*

Людмила Мазур

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

YOUTH AND REVOLUTION: THE SOCIAL IMAGE OF YOUNG COMMUNIST PARTY MEMBERS IN YEKATERINBURG PROVINCE (1922–1924)**

Lyudmila Mazur

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article considers the implementation of the “social bulldozer” by young Communist Party members of the early 1920s. The period was characterised by intensive social changes in many spheres of society, and the youth was supposed to play a special role as a strike force in the process. The Party and the government of the country aimed at the indoctrination of young people’s consciousness, their political education, militarisation, and organising various sports and cultural activities. As a result of this complex youth policy, there appeared a new system of values whose main objective was for youth to serve their state and the ideals of communism. As more and more young people became members of the Party, the latter grew in power and control. Referring to the primary materials of the All-Russian census of the members of the RCP(B), the article describes the social image of the Party youth and their career strategies. The youth of the period in question accounted for the majority of the members of the Party, thus defining the social portrait of communists. The young members of the Party did not

* Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Mazur, L. (2017). Youth and Revolution: The Social Image of Young Communist Party Members in Yekaterinburg Province (1922–1924). In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264.

Цитирование: Mazur L. Youth and Revolution: The Social Image of Young Communist Party Members in Yekaterinburg Province (1922–1924) // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264 / Мазур Л. Молодежь и революция: социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии (1922–1924) // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1009–1026. DOI 10.15826/qr.2017.4.264.

have a high level of education. As for their career aspirations, they were meant to perform leading functions at the lower (*volost'*) and *uyezd* levels, where they became a labour pool to later be promoted to higher positions.

Keywords: Russian history of the 1920s; youth policy of the RCP(B); social structure of the Party youth; social image.

Рассматриваются проблемы реализации партийной молодежью начала 1920-х гг. функции «социального бульдозера». Особенностью данного периода были активные социальные преобразования в разных сферах общества. Молодежи в этом процессе отводилась особая роль «ударной силы». Мобилизация молодежи через ее идеологическую обработку, политическое воспитание, военизацию, спортивно-культурные мероприятия входила в политику партии и правительства. Результатом комплексной молодежной политики стало формирование новой системы ценностей, главной установкой которой было служение государству и идеалам коммунизма. Привлечение молодежи в Коммунистическую партию обеспечивало необходимый уровень влияния и контроля. На основе изучения первичных материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) характеризуются социальный облик партийной молодежи, ее карьерные стратегии. Молодежь в изучаемый период составляла большинство членов партии, определяя общий социальный портрет коммунистов. Для молодых членов партии был характерен невысокий образовательный уровень. Карьерные стратегии молодежи были ориентированы на выполнение руководящих функций в низовых (волостных) и уездных органах власти, где молодые люди становились кадровым резервом для руководящих должностей более высокого уровня.

Ключевые слова: история России 1920-х гг.; молодежная политика РКП(б); социальная структура партийной молодежи; социальный облик.

В современном обществе молодежь играет особую роль. Она является не просто социальной группой, характеризуемой определенными возрастными параметрами и находящейся в стадии социализации – перехода от детства к зрелости¹. Ситуация перехода влияет на формирование особого психологического фона «ожидания», определяющего особенности поведения молодежи, – это повышенная мобильность и восприимчивость, поиск идеала и стремление к подражанию, неудовлетворенность настоящим, нередко перерастающая в агрессивность, и устремленность в будущее. Эти особенности переходного состояния в обычном режиме чаще всего проявляются в оппозиции «отцы – дети». В условиях нестабильности, кризиса общества они могут перерасти в активное противостояние существующему общественному строю и политическому режиму. Тогда молодежь реализует функции

¹ В. Т. Лисовский предложил определение молодежи: «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих образование, профессиональные, культурные и другие социальные функции» [Социология молодежи]. И. Кон определял молодежь как социально-демографическую группу, выделяющуюся на основе совокупности возрастных характеристик, особенности социального положения и обусловленную социально-психологическими свойствами [Кон].

«социального бульдозера» [Mead, p. 85]. Советская история демонстрирует свой вариант социальной мобилизации молодежи, которая стала движущей силой преобразований 1920–1930-х гг. и символом нового общественного строя (см.: [Исаев, 2000; Рожков]).

Современные теории социальной активности молодежи

Бунтарская роль молодежи проявляется уже в XVIII–XIX вв. на фоне разрушения патриархальности и формирования общества модерна, порождая такие модели поведения и сознания как нигилизм, радикализм, экстремизм.

Социальный феномен молодежи и ее роль в революционном обновлении общества получили отражение в работах К. Мангейма, М. Мид, Ч. Рейха и других исследователей, которые выделили в качестве основных черт нацеленность молодых на будущее, их заинтересованность в обновлении общества, с одной стороны, и управляемость, с другой. К. Мангейм, проанализировав опыт тоталитарных обществ, раскрыл механизмы использования потенциала молодежи, основанные на манипуляции их психологией и интересами [Мангейм, с. 441–446]. М. Мид, изучая социальную активность молодежи, отметила ее зависимость от уровня организованности и образования молодых людей [Мид, с. 344–347]. Ч. Рейх проанализировал ментальные предпосылки молодежных бунтов и выделил три типа сознания молодежи в зависимости от ее социальных характеристик, проследил динамику замещения типов как смену поколений. «Сознание-1» – это сознание молодого человека эпохи первоначального накопления и «дикого капитализма», полуграмотного, агрессивного носителя существующих в обществе социально-культурных и политических предрассудков. Его сменяют представители нового поколения, носители «сознания-2» – добропорядочные пассивные классические обыватели, выстраивающие свою жизнь в соответствии с законами и ценностями существующего общества. Затем появляются носители «сознания-3» – люди с творческим независимым мышлением, ориентированные на будущее [Reich, p. 235–242].

Предпосылкой «молодежных революций» является появление в обществе критической массы молодых реформаторов (носителей «сознания-3»), заинтересованных в качественных переменах. История нового и новейшего времени изобилует примерами молодежных бунтов, направленных на решение задач преобразования общества².

Принимая во внимание линейную схему смены поколений – носителей разного сознания, предложенную Ч. Рейхом, следует отметить, что в реальности все три типа молодежи сосуществуют в обществе одновременно. Меняется только их удельный вес, соотношение,

² В российской истории к ним можно отнести движение декабристов, народников и другие революционные организации, представленные в основном образованной молодежью.

определяющее общий потенциал и нравственный фон. Кроме того, при анализе роли молодых людей в обществе необходимо учитывать его социальную стратификацию и режим их взаимодействия, поскольку молодежь также социально разнородна, и в обычной жизни представители различных ее страт слабо пересекаются. Так, например, образованная и креативная молодежь сосредоточена преимущественно в городах и относится к среднему и верхнему слою общества. Необходимы зоны взаимодействия, где разные социальные категории молодежи «перемешиваются» – это зоны, определяемые такими модернизационными процессами как урбанизация, индустриализация, демократизация общественной жизни, или экстраординарными – кризисы, войны, революции.

Следовательно, для оценки места и роли молодежи в обществе на определенном историческом этапе необходимо реконструировать общий социальный портрет молодежи, уточнить соотношение типов сознания и характер их взаимодействия. Применительно к началу XX в. и периоду Русской революции интересным и весьма показательным объектом для реконструкции социального облика российской молодежи выступает РСДРП, которая, с одной стороны, стала площадкой межсословного и межпоколенческого контакта, а, с другой, была заинтересована в привлечении молодежи в свои ряды, особенно на стадии реорганизации конспиративной боевой организации в массовую правящую партию.

Всероссийская перепись членов РКП(б) 1922 г.

В качестве основного источника для изучения поставленной проблемы мы взяли материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. Она неоднократно использовалась историками для изучения вопросов партийного строительства и характеристики социального состава партии [Андрухов; Наумов, Шепелев; Тяжельникова; Кузнецов; и др.]. Основное внимание исследователей было сосредоточено на анализе опубликованных результатов, первичные материалы переписи попали в поле зрения ученых только в 1990-е гг. Среди историков, работавших с первичными документами, благодаря трудам которых была проведена реконструкция социального облика партийных кадров, их карьерных стратегий, следует особо отметить труды Т.П. Тепляковой и С.В. Воробьева [Воробьев, 2004; Воробьев, 2005; Теплякова].

Всероссийская партийная перепись проходила в первой половине 1922 г. [Всероссийская перепись, вып. 1, с. 3; вып. 2, с. 1]. Ее основная цель – уточнение численности членов партии и количества партийных ячеек. Параллельно учету решалась задача обмена партийных билетов: они выдавались только тем членам партии, которые соответствовали строгим требованиям устава, то есть перепись выполняла функции чистки рядов партии. К началу 1923 г. в партии осталось

373 тыс. чел. против 700 тыс. в 1921 г. [Лацис, с. 148]. По данным Екатеринбургской губернской партийной организации, исключены были преимущественно крестьяне (44,8 %) и служащие (23,8 %) [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 6456. Л. 10]. Причины исключения были самые разные – низкая активность (не посещал собрания), религиозность, социальное происхождение, служба в белой армии и проч.

В ходе переписи заполнялось несколько бланков. Наибольший интерес для изучения социального состава партии, в том числе молодежи, представляет бланк А (см. подробнее: [Mazur, Gorbachev]). В нем имеется 59 пунктов, разбитых на несколько тематических блоков – демографический, социальный, профессиональный, партийный и проч. Представленная в анкете информация дает возможность проследить социальную и профессиональную мобильность члена партии, партийный и революционный стаж, службу в армии, то есть реконструировать социальный портрет во всей его полноте.

Участие молодежи в Русской революции

Прежде чем мы перейдем к анализу материалов переписи, следует отметить, что в России молодые люди с низким уровнем образования («сознание-1») преобладали в начале XX в. в силу общего низкого уровня образования юношества, и эта ситуация усугублялась вследствие войн и революций. Несмотря на это, в конце XIX – начале XX в. образованная часть молодежи, прежде всего студенты, заявила о себе как о реальной политической силе, активно включаясь в борьбу с самодержавием под влиянием идей обновления общества. Террор, вооруженная борьба, насилие рассматривались ими как необходимый инструмент создания нового мира. Особенно привлекательны эти идеи были для разночинной молодежи начала XX в., а жертвенный образ революционера-героя стал нравственным ориентиром для многих из них.

Полной статистикой по составу РСДРП мы не обладаем, в литературе имеются отрывочные данные о делегатах съездов партии, собранные мандатными комиссиями, но они весьма красноречивы. На V съезде РСДРП (1907) большевики-рабочие составляли 36 %, литераторы и представители других свободных профессий – 27 %, торгово-промышленные служащие – 11 % и т. д. Высшее образование имели 20 % большевистских делегатов, среднее – 32 %, низшее – 37 %, домашнее – 2 %, самоучками назвали себя 9 %. Средний возраст делегата-большевика был меньше 30 лет. Всего весной 1907 г. в РСДРП было зарегистрировано около 60 тыс. большевиков [Лельчук, Тютюкин, с. 250].

Осенью 1917 г. в рядах большевиков насчитывалось уже не менее 350 тыс. членов [Там же, с. 259]. Анализ состава РСДРП (б) 1917 г., проведенный современными исследователями, показывает, что ее руководители были в среднем моложе политических элит других партий, но менее образованными. Возраст половины представите-

лей большевистской верхушки колебался в диапазоне от 26 до 35 лет (каждый 15-й был моложе 26 лет). Из руководителей кадетской партии только каждый 15-й был в возрасте 31–35 лет, остальные гораздо старше (каждый третий, например, был старше 52 лет) [Журавлев, с. 400–401]. Около половины большевистских лидеров имели высшее и неполное высшее образование, 24 % – среднее, 30 % – начальное и неполное среднее образование (для сравнения: высшим и неполным высшим образованием обладали соответственно 45 и 37 % лидеров эсеров, 27 и 42 % меньшевиков) [Там же]. В результате уже в переходный для РСДРП период революции 1917 г., когда она из конспиративной партии преобразуется в массовую организацию, среди большевиков образовательный уровень начинает заметно снижаться за счет целенаправленного привлечения в партию представителей рабочих и крестьян, которые рассматривались как социальная опора большевизма.

После Октябрьского переворота ставка на молодежь как движущую силу революции еще более усилилась. Об этом свидетельствует практика набора новых членов в РКП(б) в годы Гражданской войны. На VIII съезде РКП(б) в марте 1919 г. было принято решение провести массовый набор в партию рабочей и крестьянской молодежи [Восьмой съезд РКП(б), с. 423]. Осенью 1919 г. были организованы «партийные недели», в ходе которых принимали в партию всех желающих из числа «рабочих и работниц, красноармейцев и матросов, крестьян и крестьянок» [Восьмая конференция РКП(б), с. 241–242]. Для новобранцев максимально упростили условия вступления, в том числе отменили обязательные письменные рекомендации от двух членов партии. В.И. Ленин называл новых коммунистов «лучшими и надежнейшими кадрами руководителей революционного пролетариата и неэксплуататорской части крестьянства» [Ленин, т. 39, с. 224], хотя на практике массовый набор новых членов способствовал снижению общего образовательного и культурного уровня членов партии и притоку новых членов с «сознанием-1», то есть малообразованных и легко управляемых.

Проведение «партийных недель» и расширение численного состава партии преследовали несколько целей: упрочить позиции большевиков в условиях военно-политического кризиса 1919 г., усилить влияние партии среди рабочих и крестьян, в первую очередь среди молодежи. В свою очередь, юноши и девушки проявили активный интерес к вступлению в партию, хотя их мотивы были разными – от искреннего желания защитить молодую советскую власть до чисто прагматических целей, обусловленных настроениями конформизма или карьеризма, что хорошо прослеживается по материалам партийной переписи 1922 г. В частности, неоднократно встречаются примеры исключения из партии во время переписи за злоупотребления, воровство, пьянство [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 4. Д. 572. Л. 208–209; Д. 60 Л. 18; Д. 570. Л. 217 и др.]

На Урале «партийная неделя» прошла в октябре-ноябре 1919 г., когда в РКП(б) было принято 42 тыс. рабочих, крестьян и красноармейцев, многие из них сразу попали на фронт [Воробьев, 2004, с. 112]. Екатеринбургская губерния по показателям приема оказалась на первом месте из 21 губернии, сведения по которым имелись в ЦК РКП(б) по состоянию на март 1920 г. В дальнейшем темпы роста численности партии несколько снизились. По Екатеринбургской губернской организации прием уменьшился почти в два раза [Всероссийская перепись членов РКП 1922 года, с. 7]. Причиной этого стало ужесточение требований к вступающим³, а также обострение продовольственного кризиса и введение НЭПа, что способствовало разочарованию и оттоку коммунистов из партии.

В начале 1920-х гг. молодежь в значительной степени определяла социальный облик всей партийной организации: в 1922 г. в составе РКП(б) Екатеринбургской губернии только 3,3 % коммунистов имели партийный стаж более пяти лет, две трети членов партии находились в ее рядах от двух до пяти лет, и 26,4 % составляли партийцы со стажем пребывания в рядах партии до двух лет [Воробьев, 2004, с. 117]. Изменился и возрастной состав партийной организации: подавляющее большинство составили коммунисты молодого и среднего возраста [Там же, с. 105].

Всего в Екатеринбургской губернской организации насчитывалось 874 партийные организации с общим числом членов и кандидатов партии 14 662 [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 557–645]. Особенно сильно партийной организации был высокий удельный вес рабочих (48,0 %), 31,2 % составили крестьяне [Там же. Д. 645а. Л. 4]. Около трети членов партии проживали в городах, и 67 % – в сельской местности (в деревнях и на заводах) [Там же. Л. 1–2]. В составе парт-организации насчитывалось 13 105 мужчин (89,4 %) и 1557 женщин (10,6 %) [Там же]. Две трети членов партии в Екатеринбургской губернии (77,3 %) имели начальное образование. Удельный вес имевших высшее и среднее образование не превышал 3 %. Доля неграмотных составила 6,5 % [Там же. Л. 14].

Среднестатистический социальный портрет члена партии 1922 г. характеризуется следующими чертами: это молодой человек в возрасте до 30 лет рабоче-крестьянского происхождения, имеющий начальное образование, семейный, преимущественно занятый на партийно-советской работе, в армии или силовых структурах, проживающий в городе. Каждый второй вступил в партию в 1919 г. во время массовых приемных компаний.

Такова общая картина социально-демографического состава членов партии Екатеринбургской губернии. С целью изучения переписи была проведена случайная выборка, объем которой составил 518 анкет (3,5 % от всей совокупности). Полученная выборка

³ В декабре 1919 г. был снова введен институт кандидатов партии, за восстановление которого высказался В. И. Ленин [Ленин, 1985, с. 80].

пропорциональна генеральной совокупности по таким признакам как пол, возраст, социальное положение, образование, место жительства, что позволяет экстраполировать ее результаты на всю генеральную совокупность.

Социально-демографический облик партийной молодежи в начале 1920-х гг.

Возрастные границы молодежи как социальной группы весьма условны и зависят от темпов социализации юношества. Наиболее распространенная точка зрения на возраст молодых – от 13 до 30 лет. Этот интервал был взят за основу для характеристики партийной молодежи. Ее можно разделить на три подгруппы, соответствующие этапам взросления: юность (до 19 лет), молодость (20–24 года), взрослые молодые (25–29 лет) [Луков]. Для каждого этапа взросления свойственны свои психофизиологические особенности, а также определенный уровень социализации. Для «юных» можно говорить о начальной стадии вступления в мир «взрослых» – наиболее конфликтной, отличающейся стремлением к самоопределению и тенденцией к противопоставлению себя взрослому обществу. Именно для этого возраста в большей степени характерен настрой на бунт. Вторая стадия связана с более тесным включением в социальные институты – это создание собственной семьи, выбор профессии и жизненной стратегии. Третья стадия характеризуется достижением определенных результатов в семейной, общественно-политической и профессиональной сфере, в том числе рождение детей, получение образования, реализация карьерных планов. С учетом этих возрастных особенностей была проведена группировка, позволяющая выявить особенности каждой подгруппы.

В составе губернской партийной организации удельный вес молодежи в возрасте 15 до 29 лет составил 44,6 %. Самой массовой была возрастная группа от 25 до 29 лет, которая составляла больше половины (54,4 %) молодых и 24,3 % от всей совокупности членов партии⁴.

Социальный облик партийной молодежи Екатеринбургской губернии характеризуется следующими чертами:

— по полу это преимущественно мужчины в возрасте от 25 до 29 лет. Женщины среди партийной молодежи составили 14,3 %, что выше, чем в других возрастных группах;

— по месту жительства преобладали горожане – 48,5 %; в заводских поселениях проживали 19,0 %, в селах и деревнях – 32,5 %;

— по социальному происхождению 39,0 % партийной молодежи происходили из рабочих, 45,9 % – из крестьян, 4,8 % – из мещан и чиновников, 5,6 % – из ремесленников, 4,3 % – из дворян, священников, купцов и проч.;

⁴ Здесь и далее, если отсутствуют дополнительные ссылки, расчет показателей произведен на основе выборки.

— по дате вступления в партию молодежь распределялась следующим образом: в 1917 г. – 21 чел. (9,1 %); в 1918 – 30 чел. (13,0 %); в 1919 г. – 109 чел. (47,2 %); в 1920 г. – 54 чел. (23,4 %); в 1921 г. – 12 чел. (5,2 %); в 1922 г. – 5 чел. (2,4 %). Большинство молодых коммунистов вступили в партию в 1919–1920 гг. в результате проведения массовых наборов и не имели серьезного партийного стажа;

— по роду занятий: 30,3 % молодых людей служили в армии, милиции, частях особого назначения (ЧОН), ЧК и других силовых структурах; 24,2 % занимали административные должности и указывались служащими; 13,4 % работали в своем хозяйстве или коммуне (крестьяне); 13,0 % составили рабочие, 13,4 % – партийно-советские работники (табл. 1). Повышенный интерес к партийной и советской работе, а также к административной деятельности наблюдается у юношества (15–19 лет). Молодежь в возрасте от 20 до 24 лет была занята, помимо административной и партийно-советской работы, также в силовых структурах. «Молодые взрослые» в возрасте от 25 до 29 лет были представлены крестьянами и рабочими (31,8 %), служащими (26,9 %), а также военными (26,2 %).

Таблица 1

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии в 1922 г.
по роду занятий, чел. (%)**

Занятие	Возраст (лет)			Всего
	15–19	20–24	25–29	
Крестьянин	1 (6,3 %)	7 (7,9 %)	23 (18,3 %)	31 (13,4 %)
Рабочий	1 (6,2 %)	12 (13,5 %)	17 (13,5 %)	30 (13,0 %)
Служащий	6 (37,5 %)	16 (18,0 %)	34 (26,9 %)	56 (24,2 %)
Партийная работа	3 (18,7 %)	6 (6,7 %)	6 (4,8 %)	15 (6,5 %)
Советская работа	2 (12,5 %)	6 (6,7 %)	8 (6,3 %)	16 (6,9 %)
Военнослужащий	1 (6,3 %)	36 (40,6 %)	33 (26,2 %)	70 (30,3 %)
Учащийся	1 (6,2 %)	1 (1,1 %)	1 (0,8 %)	3 (1,3 %)
Домашнее хозяйство	0 (0,0 %)	2 (2,2 %)	1 (0,8 %)	3 (1,3 %)
Не работает	1 (6,3 %)	2 (2,2 %)	2 (1,6 %)	5 (2,2 %)
Нет сведений	0 (0,0 %)	1 (1,1 %)	1 (0,8 %)	2 (0,9 %)
Итого	16 (100,0 %)	89 (100,0 %)	126 (100,0 %)	231 (100,0 %)
Всего, %	6,9	38,5	54,6	100

Высокий удельный вес служащих во всех возрастных группах партийной молодежи не случаен. Политика укрепления коммунистами властных структур всех уровней носила совершенно осознанный и целенаправленный характер. Резолюция VIII съезда РКП(б) «По ор-

ганизационному вопросу» (март 1919 г.) прямо требовала «завоевать решающее влияние и полное руководство во всех организациях трудящихся: в профессиональных союзах, кооперативах, сельских коммунах и т. д.» [КПСС в резолюциях и решениях съездов, с. 107]. Речь шла об установлении контроля партии над всеми государственными и общественными институтами, то есть о превращении ее в правящую силу. Такая установка способствовала быстрой вертикальной карьере молодых коммунистов, которые, попав в партию, быстро меняли свой первоначальный статус и переходили в категорию руководителей нижнего звена в аппарате управления государственных и советских органов, в промышленности, торговле, образовании и т. д. В зоне особого внимания находилась также армия, поскольку членство в партии обеспечивало подконтрольность «человека с ружьем».

Отличительной чертой партийной молодежи начала 1920-х гг. был низкий уровень образования: 2/3 молодых коммунистов имели начальное образование; еще 6,9% были малограмотными, то есть не заканчивали школы и обучались грамоте самостоятельно; неграмотных было 2,6%, а среднее и высшее образование имели только 16,4% (табл. 2). Наиболее высокий процент неграмотных и малограмотных наблюдается в возрастной группе «молодые взрослые» (от 25 до 29 лет).

Таблица 2

**Состав партийной молодежи Екатеринбургской губернии в 1922 г.
по уровню образования, чел. (%)**

Уровень образования	Возраст, лет			Всего
	15–19	20–24	25–29	
Неграмотный	0 (0,0 %)	2 (2,3 %)	4 (3,2 %)	6 (2,6 %)
Малограмотный (самоучка)	0 (0,0 %)	2 (2,3 %)	14 (11,1 %)	16 (6,9 %)
Начальное	12 (75,0 %)	69 (77,5 %)	88 (69,8 %)	169 (73,2 %)
Среднее	4 (25,0 %)	14 (15,7 %)	16 (12,7 %)	34 (14,7 %)
Высшее	0 (0,0 %)	1 (1,1 %)	3 (2,4 %)	4 (1,7 %)
Нет сведений	0 (0,0 %)	1 (1,1 %)	1 (0,8 %)	2 (0,9 %)
Итого	16 (100,0 %)	89 (100,0 %)	126 (100,0 %)	231 (100,0 %)

Парадоксальность ситуации состоит в том, что в начале 1920-х гг. малограмотная молодежь стала основной движущей силой социального переустройства общества и пришла на смену поколению образованных коммунистов, которое готовило революцию («сознание-3»). К 1922 г. они считались старыми партийцами и воспринимались новым поколением коммунистов весьма критически. В одной из анкет с партийной прямой приведена характеристика члена партии в возрасте 35 лет, который имел дореволюционный партий-

ный стаж (с 1903 г.) и участвовал в революции 1905 г. В ней говорится: «работник *старый, истасканный, нервный*, преданный делу партии...» [ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 571. Л. 72–73] (здесь и далее курсив наш. – Л. М.). В другой анкете 30-летнего коммуниста, окончившего Лондонский университет и посвятившего себя революционной борьбе, написано: «*интеллигент, постепенно теряющий веру в революцию, безусловно честный*» [Там же. Л. 59–60]. В анкете указана дата приема в партию – 1914 г., отмечены работа в подполье, членство в Еврейской социал-демократической партии. Всего с дореволюционным подпольным опытом партийной работы в Екатеринбургской организации насчитывалось 1,5 % коммунистов, как правило, с высшим и средним образованием. Им на смену пришло новое поколение молодых революционеров – малограмотных, с упрощенными представлениями о цели, задачах и методах создания нового общества, с многочисленными социально-культурными и политическими предрассудками.

Низкий уровень образования в сочетании с психофизиологическими особенностями молодости создавал благоприятные предпосылки для пропаганды большевистских идей и внедрения в сознание молодежи радикальных установок. Дополнительными факторами трансформации сознания были специфический жизненный опыт, приобретенный в условиях Гражданской войны, и готовность к вооруженному насилию против реальных и мнимых врагов. По мнению многих исследователей, молодое поколение, сформировавшееся в 1920-е гг., в дальнейшем стало надежной опорой сталинского репрессивного режима [Исаев, 2002]. Агрессивность молодых коммунистов усиливалась не только прошлым военным опытом, но и партийно-советской пропагандой, призывавшей к беспощадной борьбе с врагами советской власти, предателями и пережитками прошлого. Советская молодежь 1920-х гг. активно впитывала радикальные установки, была в первых рядах борьбы с кулаками, церковью, вредителями и проч., разоблачая их, а нередко и прибегая к прямым расправам.

Высокий уровень агрессивности партийной молодежи нашел отражение в многочисленных фактах «коммунистического хулиганства». В 1926 г. в информационной записке ОГПУ отмечалось, что из общего числа лиц, привлеченных к ответственности за хулиганство, около трети составляли комсомольцы и коммунисты [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169. Л. 140–141]. Если учесть, что удельный вес комсомольцев и коммунистов среди молодежи не превышал 3 %, то становится очевидным, что их агрессивное поведение было вполне повседневным явлением. Причины хулиганства могли различаться, но, как правило, были связаны с идеологическими мотивами, в том числе неприятием НЭПа, неготовностью или нежеланием молодых коммунистов и комсомольцев подчиняться закону, поскольку они признавали только «революционную целесообразность». Не следует сбрасывать со счетов гендерные особенности партии, где мужчины составляли подавляющее большинство, поддерживая культ силы. Экстремизм

молодых вызывал ответную реакцию общества, в результате чего они сами часто становились жертвами ответных нападений.

Дополнительной характеристикой партийной молодежи является ее семейное положение. Во всех возрастных группах отмечается высокий удельный вес одиноких, а для возраста 15–19 и 20–24 года он достигает 35 %. Отказ от семьи, характерный для трети молодых партийцев, свидетельствует об изменении системы ценностей, а также механизмов социализации, среди которых на первый план выходят общественная деятельность и карьера, а не частная жизнь.

Социальный портрет партийной молодежи свидетельствует о преобладании в ее составе людей с низким уровнем образования, настроенных на решительную борьбу с тем, что они считали заслуживающим уничтожения и мешающим, по их мнению, достижению коммунизма. Эта молодежь постепенно вытесняла и замещала поколение старых партийцев, способствуя превращению партии в послушный инструмент для политических манипуляций.

Карьерные стратегии партийной молодежи

Важнейшей характеристикой партийной молодежи выступают их жизненные стратегии, задающие ориентир в профессиональной и общественной деятельности (см.: [Резник; Наумова; и др.]). Современная психология выделяет следующие стратегии: *благополучия*, *успеха* и *самореализации*. Первая из них опирается на рецептивную («обывательскую») активность и направлена на потребление; вторая характеризуется активной жизненной позицией, нацеленностью на получение высокого социального статуса, власти и денег. Установкой на творчество, саморазвитие и самосовершенствование отличается стратегия самореализации [Резник, с. 78–84]. Эти модели в реальности детерминируются экономическими и политическими факторами и формируют варианты, отражающие историческое своеобразие эпохи.

В условиях революции и Гражданской войны стратегии членов партии подвергались идеологической корректировке, формируя специфическую шкалу ценностей. От коммуниста требовались беззаветное служение и безоговорочная преданность делу революции и партии. В условиях жесткой партийной дисциплины стратегия самореализации для члена партии существенно ограничивалась, поскольку коммунистическая мораль требовала отказа от личных интересов. Жизненные стратегии члена партии были сведены к первым двум вариантам и существенно видоизменялись: стратегия успеха соотносилась не столько с личными достижениями, сколько с успехом дела, трансформируясь в модель «служения», основной чертой которой было подчинение личных интересов делу партии. Подобная жизненная установка формировала особый тип личности – так называемых «солдат революции»⁵. Это решительный, непреклонный борец

⁵ Литературный образ такого молодого коммуниста воплощен в герое автобиографического романа Н. Островского «Как закалялась сталь» Павке Корчагине.

за идеи, фанатично преданный делу партии, готовый пожертвовать собой. Судьба многих из них была связана с последующими репрессиями и гибелью, но не от рук врагов, а от рук своих соратников по партии [Грамматчикова, Енина].

Другой вариант жизненной стратегии коммуниста был непосредственно связан с реализацией его карьерных интересов, достижением взаимосвязанных целей успеха и благополучия на личностном уровне. Такая стратегия стала основой номенклатурной системы и была связана с появлением типа коммуниста, гибко реагирующего на ситуацию и учитывающего политические веяния и запросы руководящих структур. В свою очередь, в рамках «номенклатурной» стратегии можно выделить подтипы карьериста и приспособленца (конформиста), которые различались по степени своей активности. Среди молодых коммунистов, попавших в выборку, около 20 % были управленцами низшего звена, 9 % занимали руководящие должности в губернских и уездных государственных, советских учреждениях и организациях (исполкомы Советов, правоохранительные органы, промышленные предприятия, профсоюзы, кооперативы и т.д.). Стремительный карьерный рост накладывался на молодой возраст коммунистов, создавая для них дополнительные конкурентные преимущества.

Карьера партийной молодежи в значительной степени зависела от таких факторов как пол, социальное происхождение, возраст, образование. Наиболее активные молодые коммунисты, компенсировав недостаток образования «партийными школами», выбирали вертикальные карьерные стратегии и достаточно быстро продвигались по служебной лестнице, переходя из одной социальной группы в другую. С.В. Воробьев назвал их людьми «большого социального скачка», подчеркивая скорость перемещений вверх по социальной лестнице [Воробьев, 2004, с. 150].

Промежуточную позицию между «солдатом революции» и «номенклатурным руководителем» занимали рядовые члены партии, которые не рассматривали ее как объект для реализации своей активности. Их часто называли в то время «балластом, не интересующимся партийной работой» [Гусляров, с. 137]. Исследование материалов партийной переписи, проведенное С.В. Воробьевым, показало, что 51,3 % коммунистов в послереволюционные годы не сделали карьеры. В их число входили представители крестьянской и рабочей молодежи, проживавшей преимущественно в сельской местности, а также коммунисты старших возрастных групп [Воробьев, 2004].

Все выделенные выше типы стратегий вписываются в мобилизационную схему использования кадрового ресурса, характерную для раннесоветского общества. Подчеркивая роль молодежи в коммунистическом строительстве, В.И. Ленин декларировал, что ее основная задача – это «создание общества, не похожего на старое» [Ленин, 1981, с. 301]. Молодые коммунисты и комсомольцы должны были стать той

ударной силой, которая с присущей молодости категоричностью разрушит, уничтожит «старый мир» и на его обломках построит новое общество. Но для реализации этой функции «социального бульдозера» нужны были не только собственно социальные предпосылки, но и правильная тактика и организация молодежи [Newfield].

Раннесоветский опыт дает нам пример эффективной молодежной политики, отличавшейся комплексностью и гибкостью. Она включала несколько направлений: привлечение молодежи в партию; создание подконтрольных партии молодежных организаций, прежде всего комсомола; реформу системы образования, основной задачей которой стало коммунистическое воспитание подрастающих поколений; репрессии против инакомыслия. Важнейшим элементом молодежной политики была поддержка трудовой и социальной активности молодежи.

Эффективным инструментом контроля и мобилизации советской молодежи стала *практика военизации*, активно внедряемая в повседневность. После окончания Гражданской войны все комсомольцы числились бойцами ЧОН (частей особого назначения – полувоенных формирований, действовавших до 1925 г. и состоявших из коммунистов и комсомольцев). Они были обязаны по тревоге с оружием в руках являться на место сбора, участвовали в военных действиях, в том числе при подавлении крестьянских восстаний [Северьянова, с. 37–39]. Девиз «Готов к труду и обороне» определял работу широкой сети добровольных спортивных обществ (ДОСААФ, ОСОАВИАХИМ и др.), основными задачами которых были патриотическое воспитание и военная подготовка молодежи.

* * *

Анализ социально-демографических характеристик партийной молодежи начала 1920-х гг. свидетельствует о серьезных изменениях в социальном составе партии в сравнении с дореволюционным периодом. Большевики активно привлекали в свои ряды рабочую и крестьянскую молодежь и использовали ее как «социальный бульдозер». Число молодых людей со средним и высшим образованием в рядах партии резко упало, более того, они стали восприниматься в качестве «чуждых элементов», представителей буржуазной культуры. Малограмотная, агрессивная, но «политически подкованная» пролетарская молодежь была восприимчивой к большевистским идеям и, что самое главное, легко управляемой. Она активно впитывала экстремистские установки, была в первых рядах борьбы с кулаками, церковью, мещанством и проч. Парадоксальность ситуации состоит в том, что если революция была делом рук образованной молодежи, то в начале 1920-х гг. малограмотная молодежь (носители «сознания-1») стала основной движущей силой социального переустройства общества. Партийная молодежь и комсомольцы становились основным мобилизационным ресурсом, готовым с оружием в руках защищать советскую власть. Партийная

молодежь в значительной степени определяла облик советской власти в 1920-е гг., особенно на ее низовых уровнях, и в дальнейшем стала социальной опорой формирования тоталитарного общества. Молодежь стала не только орудием в руках тоталитарного режима, но и его жертвой, объектом эксплуатации и репрессий.

Список литературы

Андрухов Н. Р. Партийное строительство в период борьбы за победу социализма в СССР. 1917–1937. М. : Политиздат, 1977. 374 с.

Воробьев С. В. Проблема социального облика коммунистов Урала в начале 1920-х гг.: сравнительный анализ массовых источников // Документ. Архив. История. Современность / под ред. А. В. Черноухова. Вып. 5. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 314–323.

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской партийной переписи членов РКП(б) 1922 г. : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург : [Б. и.], 2004. 263 с.

Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. : Протоколы. М. : Гос. изд-во по лит. лит., 1961. 316 с.

Восьмой съезд РКП(б). Март 1919 года : Протоколы. М. : Госполитиздат, 1959. XVIII + 602 с.

Всероссийская перепись членов РКП 1922 года. Вып. 1–5. М. : Изд. отд. ЦК РКП, 1922–1925.

Грамматчикова Н., Енина Л. Книга о любви и верности: реконструкция образа отца-коммуниста в воспоминаниях дочери // Quaestio Rossica. 2015. № 4. С. 109–129.

Гусляров Е. Н. Сталин в жизни : Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М. : ОЛМА-Пресс ; Звездный мир, 2002. 749 с.

Думова Н. Г., Ерофеев Н. Д., Тютюкин С. В. История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. школа, 1994. 447 с.

Журавлев В. В. РСДРП(б) – РКП(б) на этапе превращения в правящую партию (октябрь 1917–1920 гг.) // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. С. 387–404. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt19.htm> (дата обращения: 28.04.2017).

Исаев В. И. Военизация молодежи и молодежный экстремизм в Сибири (1920-е – начало 1930-х гг.) // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2002. Т. 1. Вып. 3. История. С. 63–70.

Исаев В. И. Молодежь Сибири в условиях формирования сталинской модели социализма (1920–1930-е гг.). Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 2000. 48 с.

Кон И. С. Социология молодёжи // Краткий словарь по социологии / под общ. ред. Д. М. Гвишиани, Н. И. Лапина ; сост. Э. М. Коржева, Н. Ф. Наумова. М. : Политиздат, 1988. С. 353–354.

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 15 т. М. : Политиздат, 1983. Т. 2. 606 с.

Кузнецов И. В. Коммунисты Центрального промышленного района в двадцатые годы, социальный портрет по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 года // Круг идей: макро- и микроподходы в исторической информатике : тр. V конф. ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л. И. Бородкина, В. Н. Сидорцова, И. Ф. Юшина. Минск : БГУ, 1998. С. 109–130.

Лацис О. Перелом : Сталин против Ленина // Суровая драма народа / сост. Ю. П. Сенокосов. М. : Политиздат, 1989. С. 142–164.

Лельчук В. С., Тютюкин С. В. Большевики // Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева.

М. : РОССПЭН, 2000. С. 243–259. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt12.htm> (дата обращения: 28.04.2017).

Ленин В. И. Государство рабочих и партийная неделя // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1970. Т. 39. С. 224–226.

Ленин В. И. КПСС об организационно-партийной работе : в 4 т. М. : Политиздат, 1985. Т. 1. Членство в КПСС. 400 с.

Ленин В. И. О задачах союзов Молодежи : речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 года // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. 5-е изд. М. : Политиздат, 1981. Т. 41. С. 298–318.

Луков В. А. Возрастные границы молодежи // Социология молодежи : электрон. энцикл. / под ред. В. А. Лукова. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/281-vozrastnye-granicy.html> (дата обращения: 12.10.2017).

Мангейм К. Диагноз нашего времени. М. : Юрист, 1995. 693 с. URL: http://www.krotov.info/libr_min/13_m/an/heim3.html (дата обращения: 12.10.2017).

Мид М. Культура и мир детства : Избр. произв. / пер. с англ. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1988. 429 с.

Наумов О. В., Шенелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопросы истории КПСС. 1986. № 4. С. 48–62.

Наумова Н. Ф. Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социол. журн. 1995. № 2. С. 5–22.

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 169.

Резник Ю. М. Социальное измерение жизненного мира (введение в социологию жизни). М. : Союз, 1995. 100 с.

Рождков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 640 с.

Северьянова Г. М. Крестьянские восстания в Сибири (осень 1920–1924 гг.). Красноярск : [Б. и.], 1995. 90 с.

Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996. 460 с.

Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук. М. : [Б. и.], 1983. 274 с.

Тяжельникова В. С. Состав партийных организаций в конце 20-х годов: (Опыт количественного анализа по материалам Всесоюзной партийной переписи 1927 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 70–81.

ЦДООСО. Ф. 76.

Mazur L., Gorbachev O. Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century : an Analytical Review // History of the Family. 2016. Vol. 21. No. 1. P. 101–120.

Mead M. Culture and Commitment : A Study of the Generation Gap. N. Y. : Basic Books, 1970. 128 p.

Newfield J. A Prophetic Minority. N. Y. : N. Am. Library, 1966. 212 p.

Reich C. The Greening of America. N. Y. : Random House, 1970. 399 p.

References

Andruhov, N. R. (1977). *Partiinoe stroitel'stvo v period bor'by za pobedu sotsializma v SSSR. 1917–1937* [Party Construction during the Struggle for the Victory of Socialism in the USSR. 1917–1937]. Moscow, Politizdat. 374 p.

Dumova, N. G., Erofeev, N. D., Tyutyukin, S. V. (1994). *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [The History of Political Parties of Russia] / ed. by A. I. Zevelev. Moscow, Vysshaya shkola. 447 p.

Gramatchikova, N., Enina, L. (2015). Kniga o lyubvi i vernosti: rekonstruktsiya obraza ottsa-kommunista v vospominaniyakh docheri [A Book about Love and Fidelity: Reconstruction of the Image of the Father-communist in the Memoirs of a Daughter]. In *Quaestio Rossica*. No. 4, pp. 109–129.

Guslyarov, E. N. (2002). *Stalin v zhizni. Sistematizirovannyy svod vospomnaniy sovremennikov, dokumentov epohi, versii istorikov* [Stalin in His Life. A Systematised Collection of Memoirs of Contemporaries, Documents of the Epoch, and Versions of Historians]. Moscow, OLMA-Press, Zvezdnyi mir. 749 p.

Isaev, V. I. (2000). *Molodezh' Sibiri v usloviyakh formirovaniya stalinskoi modeli sotsializma (1920–1930-e gg.)* [Young People of Siberia in the Conditions of the Formation of the Stalinist Model of Socialism (1920–1930)]. Novosibirsk, Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. 48 p.

Isaev, V. I. (2002). *Voenizatsiya molodezhi i molodezhnyi ekstremizm v Sibiri (1920-e – nachalo 1930-kh gg.)* [The Militarisation of Youth and Youth Extremism in Siberia (1920s – Early 1930s)]. In *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 1. No. 3. Istoriya, pp. 63–70.

Kon, I. S. (1988). *Sotsiologiya molodezhi* [Youth Sociology]. In Gvishiani, D. M., Lapina, N. I. (Eds.). *Kratkii slovar' po sotsiologii* / comp. by E. M. Korzheva, N. F. Naumova. Moscow, Politizdat, pp. 353–354.

KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK v 15 t. [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences, and Plenary Meetings of the Central Committee. 15 vols.]. (1983). Vol. 2. Moscow, Politizdat. 606 p.

Kuznetsov, I. V. (1998). *Kommunisty Tsentral'nogo promyshlennogo raiona v dvadtsatye gody, sotsial'nyi portret po materialam Vsesoyuznoi partiinoi perepisi 1927 goda* [Communists of the Central Industrial District in the Twenties, a Social Portrait with Reference to the All-Union Party Census of 1927]. In Borodkin, L. I., Sidortsov, V. N., Yushin, I. F. (Eds.). *Krug idei: makro- i mikropodkhody v istoricheskoi informatike. Trudy V konferentsii Assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"*. Minsk, BGU, pp. 109–130.

Latsis, O. (1989). *Perelom. Stalin protiv Lenina* [Change. Stalin against Lenin]. In Senokosov, Yu. P. (Ed.). *Surovaya drama naroda*. Moscow, Politizdat, pp. 142–164.

Lel'chuk, V. S., Tyutyukin, S. V. (2000). *Bol'sheviki* [Bolsheviks]. In Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds.). *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, ROSSPEN, pp. 243–259. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt12.htm> (mode of access: 28.04.2017).

Lenin, V. I. (1970). *Gosudarstvo rabochikh i partiinaya nedelya* [The Workers' State and Party Week]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii v 55 t.* Ed. 5. Moscow, Politizdat. Vol. 39, pp. 224–226.

Lenin, V. I. (1981). *O zadachakh soyuzov molodezhi*. Rech' na III Vserossiiskom s"ezde Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soyuza Molodezhi 2 oktyabrya 1920 goda [On the Tasks of the Unions of Youth. A Speech Delivered at the 3rd All-Russian Congress of the Russian Union of Communist Youth on 2 October 1920]. In Lenin, V. I. *Polnoe sobranie sochinenii*. Ed. 5. Moscow, Politizdat. Vol. 41, pp. 298–318.

Lenin, V. I. (1985). *KPSS ob organizatsionno-partiinoi rabote v 4 t.* [CPSU about Organisational and Party Work. 4 Vols.]. Moscow, Politizdat. Vol. 1. *Chlenstvo v KPSS*. 400 p.

Lisovskii, V. T. (Ed.). (1996). *Sotsiologiya molodezhi* [Youth Sociology]. St Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU. 460 p.

Lukov, V. A. (N. d.). *Vozrastnye granitsy molodezhi* [Age Boundaries of People]. In Lukov, V. A. (Ed.). *Sotsiologiya molodezhi. Elektronnaya entsiklopediya*. URL: <http://www.soc-mol.ru/encyclopaedia/youth/281-vozrastnye-granicy.html> (mode of access: 12.10.2017).

Mangeim, K. (1995). *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our Time]. Moscow, Yurist. 693 p. URL: http://www.krotov.info/libr_min/13_m/an/heim3.html (mode of access: 12.10.2017).

Mazur, L., Gorbachev, O. (2016). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review. In *History of the Family*. Vol. 21. No. 1, pp. 101–120.

Mead, M. (1970). *Culture and Commitment. A Study of the Generation Gap*. N. Y., Basic Books. 128 p.

Mead, M. (1988). *Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya* [Culture and the World of Childhood. Selected Works] / transl. by Yu. A. Aseev. Moscow, Nauka. 429 p.

- Naumov, O. V., Shepelev, V. N. (1986). *Materialy Vserossiiskoi perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Materials of the All-Russian Census of Members of RCP(B) of 1922]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 4, pp. 48–62.
- Naumova, N. F. (1995). Zhiznennaya strategiya cheloveka v perekhodnom obshchestve [The Life Strategy of a Person in a Transitional Society]. In *Sotsiologicheskii zhurnal*. No. 2, pp. 5–22.
- Newfield, J. (1996). *A Prophetic Minority*. N. Y., N. Am. Library. 212 p.
- Reich, C. (1970). *The Greening of America*. N. Y., Random House. 399 p.
- Reznik, Yu. M. (1995). *Sotsial'noe izmerenie zhiznennogo mira (vvedenie v sotsiologiyu zhizni)* [Social Measurement of the Living World (Introduction to Life Sociology)]. Moscow, Soyuz. 100 p.
- RGASPI – Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-political History]. Stock 17. List 85. Dos. 169.
- Rozhkov, A. Yu. (2014). *V krugu sverstnikov: Zhiznennyi mir mladogo cheloveka v sovetskoj Rossii 1920-kh godov* [In the Circle of Peers: The Life World of a Young Person in Soviet Russia in the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 640 p.
- Sever'yanova, G. M. (1995). *Krest'janskije vosstaniya v Sibiri (osen' 1920–1924 gg.)*. [Country Revolts in Siberia (Autumn 1920–1924)]. Krasnoyarsk, S. n. 90 p.
- Teplyakova, T. P. (1983). *Rol' partiinykh perepisei 1922 i 1927 gg. v ukreple-nii ryadov partii* [The Role of Party Censuses of 1922 and 1927 in Strengthening the Ranks of the Party]. Dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, S. n. 274 p.
- TsDOOSO – Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti [Centre for the Documentation of Public Organisations of Sverdlovsk Region]. Stock 76.
- Tyazhel'nikova, V. S. (1990). Sostav partiinykh organizatsii v konce 20-kh godov (Opyt kolichestvennogo analiza po materialam Vsesoyuznoi partiinoj perepisi 1927 g.) [The Structure of Party Organisations in the Late Twenties (An Attempt at Quantitative Analysis with Reference to the All-Union Party Census of 1927)]. In *Voprosy istorii KPSS*. No. 1, pp. 70–81.
- Vorob'ev, S. V. (2004). *Sotsial'nyi portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossiiskoi partiinoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portrait of Communists of the Urals of the Early 1920s: Source Study Research of the Materials of the All-Russian Party Census of Members of RCP(B) of 1922]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Yekaterinburg, S. n. 263 p.
- Vorob'ev, S. V. (2005). Problema sotsial'nogo oblika kommunistov Urala v nachale 1920-h gg.: sravnitel'nyi analiz massovykh istochnikov [Issue of the Social Face of Communists of the Urals in the Early Twenties: A Comparative Analysis of Mass Sources]. In Chernoukhov, A. V. (Ed.). *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Vol. 5. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 314–323.
- Vos'maya konferentsiya RKP(b). Dekabr' 1919 g. *Protokoly* [Eighth Conference of the RCP(B). December, 1919. Protocols]. (1961). Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. 316 p.
- Vos'moi s'ezd RKP(b). Mart 1919 goda. *Protokoly* [Eighth Congress of the RCP(B). March, 1919. Protocols]. (1959). Moscow, Gospolitizdat. XVIII + 602 p.
- Vserossiiskaya perepis' chlenov RKP 1922 goda [All-Russian Census of Members of the RCP of 1922]. (1922–1925). No. 1–5. Moscow, Izdatel'skoe otdelenie TsK RKP.
- Zhuravlev, V. V. (2000). RSDRP(b) – RKP(b) na etape prevrashcheniya v pravyyashchuyu partiyu (oktyabr' 1917–1920 gg.) [RSDRP (B) – RCP(B) at the Stage of Transformation into the Party in Office (October, 1917–1920)]. In Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds). *Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost'*. Moscow, ROSSPEN, pp. 387–404. URL: <http://grachev62.narod.ru/mnpt/chapt19.htm> (mode of access: 28.04.2017).